

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Региональный, национальный и конфессиональный факторы формирования национальной идентичности Казахстана

Жанар Колбачаева

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

jhanar@mail.ru

Аннотация: статья посвящена исследованию национальной идентичности Республики Казахстан. В статье анализируются основные факторы, влияющие на складывающуюся национальную идентичность современной Республики Казахстан. Так, исследуется сложный процесс, включающий множество этапов, она очевидна только при соотношении двух различных идентичностей: гражданская и национальная, важнейшей частью процесса интеграции которых является обмен ее элементами. Также приводятся оценки эффективности государственной стратегии в этой области, описывается наличие двух основных стратегий национально-государственного строительства и соответственно им доминирующие модели национальной идентичности. Первая стратегия направлена на формирование единой казахстанской нации из полиэтничского по своему составу общества на основе общности гражданства, вторая стратегия связана с национальной идентичностью самих казахов. Выявлены предпосылки формирования целостной модели национальной идентичности как фундамента дальнейшей модернизации общества на основе гражданской консолидации и политической стабильности общества, позволяющей обеспечить приоритеты государственного строительства и социально-экономического развития, сохранение гражданского мира и духовного согласия, укрепление международного авторитета государства.

Ключевые слова: национальная идентичность, Казахстан, консолидация, модернизация, миграции, гражданское согласие, конфессиональность, регионализм

Для цитирования: Колбачаева Ж.Е. Региональный, национальный и конфессиональный факторы формирования национальной идентичности Казахстана. *Проблемы постсоветского пространства*. 2019;6(4):398-408. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-398-408>

Статья поступила 29.10.2019

Принята в печать 12.11.2019

Опубликована 02.12.2019

Regional, national and confessional factors of formation of national identity of Kazakhstan

Zhanar Kolbachayeva

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,

jhanar@mail.ru

Abstract: the article is devoted to the study of the national identity of the Republic of Kazakhstan. The article analyzes the main factors affecting the emerging national identity of the modern Republic of Kazakhstan. Thus, we study a complex process involving many stages, it is obvious only when the ratio of two different identities: civil and national, the most important part of the process of integration of which is the exchange of its elements. The article also provides an assessment of the effectiveness of the state strategy in this area, describes the presence of two main strategies of national-state construction and, accordingly, the dominant models of national identity. The first strategy is aimed at the formation of a single Kazakh nation from a multi-ethnic society on the basis of common citizenship, the second strategy is related to the national identity of the Kazakhs themselves. The prerequisites for the formation of an integral model of national identity as the Foundation for further modernization of society on the basis of civil consolidation and political stability of society, allowing to ensure the priorities of state-building and socio-economic development, preservation of civil peace and spiritual harmony, strengthening of the international authority of the state.

Keywords: National identity, Kazakhstan, consolidation, modernization, migration, civil consent, confessional, regionalism

For citation: Kolbachayeva J.Y. Regional, national and confessional factors of formation of national identity of Kazakhstan. *Post-Soviet Issues*. 2019;6(4):398-408. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-398-408>

Received 29.10.2019

Revised 12.11.2019

Published 02.12.2019

ВВЕДЕНИЕ

Цель статьи — исследовать влияние основных факторов на формирование национальной идентичности в Республике Казахстан, оценить эффективность известных моделей раскладывая по признаку национальной идентичности и соответствующих им мер государственной политики. Для этого за основу были взяты исследованные факторы, которые в значительной

мере оказали воздействие на сложившуюся в Республике Казахстан ситуацию в национально-государственном строительстве.

Значимым является анализ воздействия основных факторов, влияющих на формирование национальной идентичности современного Казахстана — регионального, конфессионального и национального, оценка применимости в Республике традицион-

ных моделей формирования национальной идентичности, возможности использования новых подходов и концепций.

ЭТНИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ

С развалом скрепленной политической идеологией многонациональной общности Советского Союза, обретением независимости казахстанское общество испытало на себе целый ряд интенсивных трансформаций, которые затронули большинство сфер жизни: экономической, политической, социальной. Одним из наиболее важных процессов, которые сопровождали эти перемены и формирование новой идентичности. В отличие от идентичности советского периода, основанной на жестко ограниченной от внешних влияний идейно-политической платформе коммунистической идеологии, дальнейшее существование которой было невозможно без искусственного ограничения конкуренции на рынке идей и ценностей, формирование новой идентичности было призвано обеспечить стабильную основу для идентификации населения в условиях плюралистической мировоззренческой модели, более адекватной демократических принципам организации общества, продекларированным в качестве ориентиров его развития.

В этих условиях формирование национальной идентичности в стране с мультикультурным и полиэтничным составом населения, такой, как Казахстан, детерминировано фактором регионального расселения этносов. С точки зрения целей и задач государственного строительства, для формирования национальной идентичности в данных обстоятельствах необходимы целенаправленные усилия власти для создания идентичности гражданского типа и готовность общества к восприятию такой государственной политики.

Несмотря на почти тридцатилетний период существования современной государственности в Казахстане такая дилемма выбора типа идентичности до сих пор стоит перед страной довольно остро. Это связано влиянием мощного регионального фактора в этно-конфессиональном ландшафте страны. Оно создает объективные препятствия для возможностей проведения эффективной политики казахизации в сфере языка, культуры и образования, ограничивая возможности развития страны как мононационального государства.

В отличие от многих других стран постсоветского пространства за годы независимости Казахстану довелось пережить большие перемены в этнонациональной сфере. Если в 1989 году численность русских и казахов составляла 37,7 и 39,6% соответственно, то уже через десять лет, в 1999 году численность русского населения упала на 12,5% — до 22,2%, а казахов — напротив выросла до 53% населения [1]. Тенденция увеличения численности титульной нации продолжалась и в последующие годы. Так, в 2018 году численность русского населения составила 19,89%, а казахского — 67,3%. На современном этапе развития казахстанской государственности этническое большинство представлено казахским этносом, в то время как численность русского населения продолжает неуклонно сокращаться. Фактически с 1989 года — с момента последней переписи населения СССР существовавший ранее количественный паритет двух этносов: казахи и русские, резко нарушился. Основные изменения этой ситуации связано с эмиграционным процессом некоренного населения [2]. За десять лет сократилось на два миллиона человек, с 16,9 млн. человек в 1989 г. до 14,9 млн. человек в 1999 г. [3]. С учетом обозначившихся тенденций это определяет перспективу окончательно-

го закрепления за русскими в Республике статуса этнического меньшинства.

Уже к началу-середине 2000-х годов было видно, что отток представителей русского этноса, а также более высокая рождаемость среди этнических казахов в столице, западных и южных регионах привели к устойчивому численному доминированию титульной нации [4]. При этом на уровне остальных регионов демографическая картина осталась другой. Так этнический состав населения северных областей Казахстана не претерпел таких радикальных изменений, как в южных и западных областях. Например, в северных регионах доля этнических русских остается большой: Акмолинскую — 36%, Карагандинскую — 40%, Костанайскую — 43%, Павлодарскую — 39%, Северо-Казахстанскую — 50%, Восточно-Казахстанскую — 40%. Наличие растущего, преимущественно казахского населения Юга страны и сокращающегося этнически смешанного населения Севера предопределяет попытки правительства организации внутренней миграции населения, выстраивания на всей территории страны нового этнонационального баланса. С учетом урбанизации, в Казахстане характерны продолжающиеся перетоки населения из сельской местности в города.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Говоря о влиянии регионального фактора национальной идентичности, необходимо отметить существующую в Казахстане разницу между севером и югом страны. Так как титульная нация во времена гражданской войны, массовой миграции, приток переселенцев из европейской части Советского Союза (индустриализация, ГУЛАГ, целина, атомный и космический проекты) понесли огромные потери. В результате этого казахи на некоторое время стали этническим меньшинством (с 1930 по 1979 год) [5].

Завершение Великой Отечественной войны, в которой Казахстан потерял от 410 до 630 тысяч человек [4], новый этап индустриализации, привел к росту численности городского населения, который преимущественно обеспечивался за счет не титульных наций (русские, украинцы, немцы и т. п.). В результате такой политики в 1970-е годы казахи составляли около 17,5% населения КазССР, а в некоторых северных областях — Кустанайской (ныне Костанайской) и Северо-Казахстанской, доля казахского населения составляла менее и того меньше — от 6 до 8% населения [4].

В то же время, уже с конца 1970-х-начала 1980-х годов нарастающие процессы урбанизации привели к увеличению численности представителей титульной нации в городском населении республики. Ресурсом такого перетока стали более высокие показатели воспроизводства населения среди казахов, проживающих в сельской местности. Несмотря на то, что миграция по линии село — город характерна не только для казахов, но и для других этносов, более высокие показатели мобильности населения привели к тому, что за сорок лет число казахов-горожан выросло более чем в четыре раза. Отток населения не титульной нации привело к изменению этнической картины общества в современном Казахстане [6].

В результате действия описанных выше факторов этнодемографическая разница между регионами Казахстана очевидна. Так, население южных и западных областей страны почти полностью состоит из этнических казахов, а население регионов Севера является двухполярным по этническому составу — доли казахов и русских друг от друга отличаются незначительно. Этнический фактор значим и в воспроизводстве населения, так как рождаемость в южных и западных регионах значительно выше, чем в северных [7]. Например, почти

40% всего сельского населения республики проживает в двух из шести областей — это Южно-Казахстанская (20%) и Алматинская (19%) области. Между тем, в северных областях наблюдается устойчивая депопуляция — между переписями 1989 и 2009 годов шесть северных регионов потеряли почти 15% своего населения [4]. Данная тенденция продолжает усиливаться за счет оттока русского населения, численность которого сократилась к 2018 году еще на 10,5% [4]. Такие изменения породили новую картину этнического состава в северных регионах.

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Правительство Казахстана, начиная почти с момента обретения независимости, предприняло несколько действенных шагов по привлечению в северные регионы представителей титульной нации. К таким мерам относятся региональные квоты в рамках программы репатриации этнических казахов-оралманов, стимулы для переселения с «неблагоприятных» территорий с профицитом трудовых ресурсов в северные регионы по программе «Нурлы Кош», а также государственные образовательные гранты для сельской молодежи южных областей программы «Серпін», в рамках которой возможность получить высшее образование в вузах северных областей получили представители молодежи из пяти регионов с преобладанием этнических казахов [8].

В результате именно этнические казахи, ранее проживавшие в других странах, стали значительным ресурсом в достижении стратегически важного перевеса над русским населением: всего с 1991 года в рамках государственных программ вернулось около 1 миллиона казахов [9].

Приведенные выше примеры свидетельствует о том, что руководство казахстанского государства проводит системную поли-

тику мягкой казахизации страны. Можно предположить, что в случае ее успеха в долгосрочной перспективе станет возможным формирование национальной идентичности на основе этнической принадлежности, единства на основе казахского языка и культуры [10]. Меры, предпринимаемые государством, свидетельствуют о поэтапном замещении неказахских этносов в населении страны представителями титульной нации, очевидно, направлены на полную казахизацию населения в стратегической перспективе.

Однако, пока существуют серьезные этнические диспропорции между северными и южными районами страны, между сельскими и городскими районами Казахстана, сформировать четкую идентичность на региональном уровне пока не получается. Из-за климатических и социокультурных особенностей жители южных областей проявляют мобильность в основном в пределах южных территорий, а северяне сохраняют свою оседлость в северной части страны. Только один северный город — столичный Нур-Султан является территорией-реципиентом, продолжая принимать крупные миграционные потоки из южных областей.

Очевидно, что при реализации дальнейшей государственной стратегии в области государственного и национального строительства в отрыве от факторов рынка труда, предпринимательского климата, наличия в социуме устойчивого ощущения принадлежности к единому государству, одни только материальные стимулы или меры прямого государственного регулирования не могут существенно изменить сложившуюся демографическую карту Казахстана [11].

Более эффективной на современном этапе, а возможно и в более отдаленной перспективе могло бы стать формирование целостной модели национальной идентичности — обозначенной первым президен-

том Республики Казахстан Н. А. Назарбаевым в 2015 году концепции «нации единого будущего» как фундамента дальнейшей модернизации общества на основе гражданской консолидации и политической стабильности общества, позволяющей обеспечить приоритеты государственного строительства и социально-экономического развития, сохранение гражданского мира и духовного согласия, укрепление международного авторитета государства.

Основной концепции стала Мэнгілік Ел — национальная идея, в наиболее полной форме изложенная Н. А. Назарбаевым в президентском послании «Нурлы жол — путь в будущее» от 17 января 2014 года, в котором было отмечено, что: ««Мэнгілік Ел» — это идея нашего общеказахстанского дома, мечта наших предков. За 22 года суверенного развития созданы главные ценности, которые объединяют всех казахстанцев и составляют фундамент будущего нашей страны. Они взяты не из заоблачных теорий. Эти ценности — опыт Казахстанского Пути, выдержавший испытание временем» [12].

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР

Не менее важными для строительства национальной идентичности являются и религиозные ценности, к которым апеллирует политика государства в области конфессиональных отношений. Ее следует рассмотреть более подробно, поскольку принадлежность к той или иной религии так же является мощным базисом для групповой идентичности [13, 14].

Особенностью Казахстана является сочетание полиэтничности и многоконфессиональности населения. С момента образования современной Республики Казахстан был взят курс на построение светского государства, гармонизацию межконфессиональных отношений на основе негосударственного статуса основных ре-

лигиозных организаций. Созданная в 1995 году Ассамблея народов Казахстана была призвана институционализировать идею о культурном и конфессиональном плюрализме. Тем не менее, вслед за большинством постсоветских государств с сильными исламскими традициями (Центральная Азия, Азербайджан) уже на ранних этапах государственного строительства светское правительство успешно инкорпорировало ислам в национальную идентичность, сделав исламские праздники частью государственных, поощряя строительство мечетей и т. д. Вызовы и угрозы нового времени, связанные с превращением религиозного фактора, а точнее — фактора религиозного экстремизма в значимый элемент внутренней и международной повестки, однако, потребовали более активного участия государства в выстраивании рамки духовной жизни [15].

В 2011 году в Казахстане было создано Министерство по делам религий и гражданского общества. На это министерство возложена задача предотвращения религиозного экстремизма. В том же году президентом Республики Казахстан Н. А. Назарбаевым было учреждено Агентство по делам религий, главная задача которого противодействие возрастающей роли традиционализма, управляемое религиозное возрождение, защищенное от импортного ислама экстремистского толка.

Согласно официальным данным, представленным Министерством иностранных дел Казахстана, из 18,4 миллионов жителей 70% составляют мусульмане, около 26% — христиане, 1% — католики [12]. В итоге конфессиональная картина демонстрирует преобладание ислама как религии титульной нации и этнического казахского большинства. В такой ситуации государству приходится выстраивать очень осторожную конфессиональную политику в от-

ношении религиозного вопроса, оставаясь верным принципу секуляризма (светской власти), но не ущемляя возможностей ислама как фактора для формирования идентичности этнических казахов. Это, однако, не означает отсутствие риска усиления фундаменталистских течений на территории страны, скорее наоборот: попытки государства сохранить толерантный баланс между религиями при такой пропорции мусульман воспринимаются представителями радикальных движений как своего рода предательство национальных интересов.

Однако, эксперты отмечают, что современная картина религиозных предпочтений не была инвариантной и именно государство сыграло решающую роль в восстановлении религиозных практик, считающихся традиционными в обществе, прежде всего практики суннитского ислама ханафийского мазхаба и православного христианства [7]. Однако простой возврат к досоветскому статус-кво оказался почти невозможным. Независимость привела к возрождению религиозного прошлого, а также к беспрецедентной кампании по строительству мечетей, по итогам которой Казахстан вышел на первое место среди постсоветских республик: к 2013 году насчитывалось более 3200 мест отправления культа, из которых более 2300 были мечетями — даже больше, чем в Узбекистане, несмотря на то, что в этой стране в два раза больше число мусульман [16].

Различные современные социологические исследования также показывают, что ислам в Казахстане остается в значительной степени областью индивидуальных убеждений и не переходит в политическую плоскость. В частности, глобальный опрос мусульман, проведенный в 2013 году, содержит данные о том, что на самом деле означает «быть мусульманином в Казахстане» по сравнению с другими

регионами мусульманского мира [16]. Казахстанские мусульмане выделяются в международном сравнении, выступая против политических проявлений религии. Таким образом, Казахстан имеет один из самых низких уровней поддержки среди мусульманской стран законов шариата: его поддерживают лишь около десяти процентов казахов — самый низкий уровень в мире, кроме Азербайджана. Такой уровень поддержки шариата заметно отличается от Кыргызстана и Таджикистана, где от четверти до трети респондентов высказались в поддержку шариата вместо законов светского государства [16].

При этом, лишь 3% мусульман-казахов поддержали идею усиления роли религиозных лидеров в политике, а 29% высказались за «некоторую» роль для них. Также 46% мусульман-казахов выразили обеспокоенность по поводу «мусульманских экстремистов». Данные показатели являются одними из самых низких среди опрошенных мусульманских стран.

Можно отметить, что в целом мусульмане Казахстана имеют наиболее либеральное толкование религиозных обязанностей, последовательно выступают за межконфессиональную гармонию и диалог. Основываясь на этих факторах, можно прогнозировать, что при попытках формирования национальной идентичности на основе конфессионального фактора государству придется пойти на резкий слом устоявшихся представлений казахстанских мусульман о роли ислама в общественном развитии и в повседневной жизни. Такой шаг может инициировать состояние конфликта с представителями других конфессий, которые, хотя и находятся в меньшинстве, но имеют тесные связи со странами, которые поддерживают данные конфессиональные направления. В первую очередь, конечно, это осложнит отношения с Россией и дальней-

шую интеграцию в рамках Евразийского экономического союза.

Поскольку русский национализм стал более мощным инструментом для реализации приоритетов внутренней и внешней политики официальной Москвы, Русская православная церковь смогла занять ключевую позицию в постсоветской России. В Казахстане этому способствовало беспокойство, вызванное переходом русской общины в статус этнического меньшинства.

Однако, русское православие было не единственной религией, связанной с какой-либо этнической группой, роль которой возросла на волне «десоветизации». На волне религиозного оформления этнических меньшинств поляков, литовцев, латышей, немцев в Казахстане было сформировано около 90 католических общин [16]. Еще более активными стали многочисленные протестантские деноминации, в большинстве своем тесно связанные с протестантскими движениями США. С 2008 года приверженцы протестантских христианских групп, включая баптистов, лютеран, пятидесятников и адвентистов седьмого дня зарегистрировали в Казахстане в общей сложности 1180 религиозных организаций [16].

При рассмотрении конфессионального фактора в Казахстане необходимо учесть также, что, как и в других частях Центральной Азии, отмечаются многочисленные внешние воздействия на ислам, основными источниками являются страны Персидского залива, Турция и Северный Кавказ. Эти связи были в основном подпольными и оказали мощное влияние на радикализацию исламистов в Центральной Азии при переходе республик бывшего СССР к независимости.

Наибольшим влиянием на мусульманское население Казахстана в настоящее время обладает Турция, через притягатель-

ную для многих постсоветских государств модель светского ислама получившая и успешно использовавшая полученные в 1990-е годы преференции в строительстве или восстановлении мечетей, распространении религиозной литературы, организации богословских исследований по турецкой модели.

Еще одним источником исламского влияния, в том числе радикального толка, является Северный Кавказ. Вслед за Северным Кавказом, ставшим ареной борьбы между традиционалистскими, суфийскими практиками и движением салафитов, в орбиту этого идейного противостояния оказались втянутыми регионы России, Южного Кавказа и Западного Казахстана. В то же время южный Казахстан традиционно сохранил связи с религиозными процессами в Узбекистане [17].

Опыт Казахстана по противостоянию экстремизму на религиозной основе довольно противоречив: в первые два десятилетия независимости страна не испытывала серьезных проблем с экстремизмом и терроризмом. Но с 2011 года Казахстан подвергся серии террористических атак, и власти отреагировали на это принятием более строгих законов, регулирующих религиозные группы в стране .

Проблема религиозного экстремизма в Казахстане тесно увязана с несколькими основными конфликтными зонами и активно взаимодействует с ними. Это Северный Кавказ, афганско-пакистанская зона и сирийско-иракская зона военных действий. Более тщательное изучение практики религиозного экстремизма в Казахстане показывает, что изначально экстремистские влияния были связаны с Северным Кавказом, затем решающая роль перешла к афгано-пакистанскому театру борьбы с международным терроризмом. В последние несколько лет в связи с открытием

иракско-сирийского фронта борьбы существуют опасения, что участники боевых действий — выходцы из Казахстана могут инфильтроваться обратно и тем самым расширить экстремистскую сеть в стране.

В этой связи политика, помимо решения тактических вопросов противодействия терроризму и экстремизму по линии специальных служб, на наш взгляд, должна быть обязательно дополнена комплексом мер, направленных на формирование толерантного конфессионального климата. В условиях, когда большинство страны составляют мусульмане и течения экстремистской направленности могут в любой момент стать базой для формирования этно-конфессиональной идентичности казахов, государственной власти остается только поддерживать статус-кво. Таким образом, можно сделать вывод о том, что формирования национальной идентичности на основе ислама в Казахстане невозможно при действующей власти. Однако в будущем конфессиональный контекст в Казахстане может претерпеть радикальные изменения, связанные как с внешними влияниями, так и с второй волной религиозного возрождения, триггером общественного запроса на которую могут стать исключительно внутренние факторы, связанные

с эффективностью государственной модели нынешнего Казахстана в долгосрочной перспективе [18].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время можно отметить тренд на продолжение политики сохранения конфессионального мира на основе следования курсу Н. А. Назарбаева, верность которому действующий президент Республики К.-Ж. К.Токаев подтвердил [19], обозначив в Послании 2 сентября 2019 года задачу «учитывая роль казахского народа как государствообразующей нации, продолжать укреплять межэтническое согласие и межрелигиозное взаимопонимание» [19].

Стоит отметить, одним из ключевых факторов эффективности казахстанской государственности на современном этапе, наряду с социально-экономическими, может стать фактор национальной идентичности. В этой связи Казахстану в будущем предстоит сделать окончательный выбор в пользу той или иной модели формирования национальной идентичности (гражданской или этнической) либо все-таки перейти на свой вариант формирования национальной идентичности, более адекватный требованиям и условиям постиндустриального информационного общества первой половины XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агдарбеков Т.А. Проблемы национально-государственного строительства в Казахстане. Алма-Ата: Наука. КазССР; 1990. с. 32.
2. Зайончковская Ж. Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах. Москва: «Издательское товарищество «Адамантъ»; 1996. с. 370.
3. Кадыржанов Р. Национальная идентичность Казахстана и этнокультурный символизм. *Мысль*. 2012;10:28.
4. World Population Review. Kazakhstan Population 2018. URL: <http://worldpopulationreview.com/countries/kazakhstan-population/> (дата обращения: 22.09.2019)
5. Пименова В.В. Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. Москва: Издательское товарищество «Адамантъ»; 1980. с. 280.
6. Котов А.К. Наше государство — суверенный Казахстан. *Саясат*. 1996;1:15.

7. Нуржанов Б.Г. Глобализация: закат национальности или расцвет этничности? В: Устойчивость этнокультурных систем в контексте динамики глобализации. Материалы городской научно-практической конференции. Алматы: Алматы; 2012. С.112-124.
8. URL: <http://new.serpin.kz/> (дата обращения: 18.05.2019)
9. Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития. *Полис*. 2010;3:40.
10. Малашенко А.М. Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. Под ред. М.Оллокот. Москва: Московский Центр Карнеги; 1997. 488 с.
11. Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. Москва: Типография «Ваш формат»; 2017. 184 с.
12. URL: <http://mfa.gov.kz/ru/> (дата обращения: 08.04.201)
13. Шейко Э.М. Международные и региональные конфликты: механизмы управления. Хабаровск: ДВАГС; 2005. 254 с.
14. Яруллин Р.Н. Трансформация государственной власти и эволюция политической системы в Казахстане. Алматы: ГАСУ; 1996. с. 43.
15. Курбанов Х.Т. Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе: идеология и практика (на материалах Республики Дагестан). Ростов на Дону: Изд-во СКНЦ ВШ; 2006. 156 с.
16. Svante E. Cornell S. Frederick S. Julian Tucker. Religion and the Secular State in Kazakhstan. Washington: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program; 2018. 101 p.
17. Lapidus I.M. Chapter 17 «Islam in Central and Southern Asia». In: «A History of Islamic Societies». Cambridge: Cambridge University Press; 1988. p. 415.
18. Сафарова Г.Ф. Механизмы преодоления исламского экстремизма в контексте обеспечения национальной безопасности стран Центральной Азии. *Постсоветские исследования*. 2018;1(7):707.
19. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana (дата обращения: 22.10.2019)

REFERENCES

1. Agdarbekov T. A. Problems of nation building in Kazakhstan. Alma-Ata: Publishing House: Nauka. Of the Kazakh SSR; 1990. P. 32. (in Russ.)
2. Zayonchkovskaya J. Migrations and new Diasporas in post-Soviet States. Moscow: «Publishing Association» Adamant; 1996. P. 370. (in Russ.)
3. Kadyrzhанov R. National identity of Kazakhstan and ethno-cultural symbolism. *Thought*. 2012;10:28. (in Russ.)
4. World Population Review. Kazakhstan Population 2018. URL: <http://worldpopulationreview.com/countries/kazakhstan-population/> [Accessed: 22.09.2019]
5. Pimenova V. Ethnic processes in national groups of Central Asia and Kazakhstan. Moscow: Publishing partnership «Adamant»; 1980. P. 280. (in Russ.)
6. Kotov A. K. Our state is sovereign Kazakhstan. *Sayasat*. 1996;1:15. (in Russ.)
7. Nurzhanov B.G. Globalization: the decline of nationhood or the flowering of ethnicity? In: Stability of ethno-cultural systems in the context of globalization dynamics. Materials of the city scientific and practical conference. Алматы: Алматы; 2012. p. 112-124. (in Russ.)

8. URL: <http://new.serpim.kz/> [Accessed: 18.05.2019]
9. Semenenko I. S., Lapkin V. V., Pantin V. I. Identity in the coordinate system of world development. *Polis*. 2010;3:40. (in Russ.)
10. Malashenko, A.M. Identity and conflict in post-Soviet States. Edited by M. Ollcot. Moscow: Carnegie Moscow Center; 1997. 488 p. (in Russ.)
11. Titov V.V. Memory Policy and formation of national-state identity: Russian experience and new trends. Moscow: Printing house of "Your format"; 2017. 184 p. (in Russ.)
12. URL: <http://mfa.gov.kz/ru/> [Accessed: 08.04.2019] (in Russ.)
13. Sheiko E.M. International and regional conflicts: management mechanisms, Khabarovsk: DVAGS; 2005. 254 p. (in Russ.)
14. Yarullin R.N. Transformation of state power and evolution of political system in Kazakhstan. Almaty: GASU; 1996. P. 43. (in Russ.)
15. Kurbanov H.T. Religious and political extremism in the North-Eastern Caucasus: ideology and practice (on the materials of the Republic of Dagestan). OTV. ed. Rostov-on-don: Publishing house SCSC HSE; 2006. 156 p. (in Russ.)
16. Svante E. Cornell S. Frederick S. Julian Tucker. Religion and the Secular State in Kazakhstan. Washington: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program; 2018. 101 p.
17. Lapidus I.M. Chapter 17 «Islam in Central and Southern Asia». In: «A History of Islamic Societies». Cambridge: Cambridge University Press; 1988. p. 415. (in Russ.)
18. Safarova G.F. Mechanisms of overcoming Islamic extremism in the context of national security of Central Asian countries. *Post-Soviet Studies*. 2018;1(7):707. (in Russ.)
19. Message of the Head of state Kasym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazhastana [Accessed: 22.10.2019] (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Жанар Колбачаева, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр.1;
jhanar@mail.ru

Zhanar Kolbachayeva, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, b. 1, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;
jhanar@mail.ru